

1 июня 88 г. в Париже

Виктор Некипелов

КЛАДБИЩЕ ПОБЕЖДЕННЫХ

За окраиной небольшого городка Камешково, что на Владимирщине, — за приземистыми, похожими на блиндажи строениями городского овощехранилища и навозной жижей скотоферм, в чистом и вечном, неувядающем сосновом лесу — много лет высился почернелый от времени трехметровый деревянный забор. Глухой и таинственный, без единой калитки и лаза, таким обычно огораживают скотомогильники, какие-то заразные, чумные и ящурные очаги. И прохожие обходили его стороной, и ягодные бабки крестились торопливо: "Свят, свят, свят!"

За мертвой загорой таилось кладбище немецких пленных — солдат 2-ой мировой войны, умиравших от ран и болезней вдали от Родины, в этом чужом, далеком, небось и во сне никогда не приснившемся деревянном русском городке. В годы войны и несколько лет после ее окончания в Камешково находился госпиталь немецких военнопленных. Госпиталь располагался в двух зданиях, в которых теперь находятся 2-я и 3-я городские школы. Больных немцев свозили в Камешково по железной дороге, в красных товарных вагонах. Как рассказывают очевидцы, их загружали в вагоны с т о я и при этом набивали так, что когда открывали двери, люди вываливались из вагонов — живые и скончавшиеся в пути вперемежку.

Лечение в госпитале было никчемным, не хватало ни медперсонала, ни лекарств, питание — лагерное, и люди мерли как мухи, чаще даже не от болезней — от голода, антисанитарии, а больше всего, — от отсутствия ухода, от отвержения. На самом деле, какое тут лечение, ведь для персонала в госпитале лежали "фашисты", "фрицы", этих можно было не то что выхаживать, — даже ногою пнуть... В госпитале свирепствовали кожные гнойничковые инфекции, это когда любая царапина или ранка от шприца вспухает гнойной полосой и по телу идут отвратительные струпья и прыщи; гнойничковая зараза унесла не меньше жизней, чем раны и тиф. По рассказам свидетелей, трупы в нижнем белье, а то и без него, сваливали кучей на телегу, и глухой молчаливый возчик отвозил их за околицу, на лесной погост. Хоронили сами же немцы, из выздоравливающих и obsługi. С немецкой аккуратностью обкладывали каждую могилу тесаным камнем, хотя ни имени на ней не разрешалось высечь, ни поставить креста, только сверху, в изголовьи, мазали краской реестровый номер.

Тогда же кладбище обнесли сплошным тесовым забором, а после ликвидации госпиталя и ворота зашили напрочь — ни въехать, ни войти.

Шли годы. Все это время, пока кладбище было огорожено, могилы еще как-то сохранялись: подновлялись номера, не разрушались земляные курганчики и обкладка. Могилы густо заросли травой, кожистым листом брусники, уже то тут, то там поднялись новые сосенки и березки. Кладбище как бы сливалось с лесом, растворялось в его беспредельности, входило в него.

Я впервые побывал на немецком лесном погосте летом 1973 года, незадолго до своего ухода в советский ГУЛАГ... Забор тогда еще стоял, хотя вывалившийся из него кусок приоткрыл кладбище взору. Каким-то жутковатым запустением и несправедливостью пахнуло в лицо, когда я шагнул в этот пролом. Я еще не знал тогда, что такое арестантский лагерь, но это был он — ровные квадраты с номерами, так выглядит лагерный барак, когда заключенные ушли на работу... Я насчитал 460 могил, из них 19 больших, братских. А братские-то почему? Эпидемии такие были? В траве под забором обнаружил я перевернутый, сбитый с какой-то могилы тяжелый камень, на котором было высечено "Kidi Mayer, 1908-1946". Кем поставлен этот камень? Неужели кто-то с родины все же добрался сюда? Наверное, точной могилы не нашли, поставили наугад, а теперь и вовсе кто-то равнодушный спихнул его в призаборный бурьян. И еще камень увидел я у одной из могил. Это было и всё. "Dr. Richard Spielber, 1914-1946". Доктор? Господи, даже доктор, каких же наук? От какой замечательной, нужной для людей работы оторвали этого человека, чтобы убить в камешковской глухомани?..

Помню, еще тогда встал вопрос: п о ч е м у? Почему усопших победителей хоронят под мраморными плитами, на которых золотыми буквами высечены их имена? "Над немymi могилами — воплем — надгробья", как сказал Александр Галич. И горит вечный огонь в берлинском Трёптов-парке, и на болгарском перевале стоит каменный русский "Альёша", и норвежские крестьянки высаживают цветы на могилах советских солдат.

Почему побежденные — как пасынки земли, как найденные при дороге бродяги, как заразные звери — за глухим забором, без гробов и имен, в лесных перепутанных ямах?

Ну хорошо, они были чужеземцы, захватчики, интервенты, враги... Но ведь уже не с оружием в руках они пришли в этот дальний поселок. Они умирали от ран и голода, от каких-то нелепых гнойничков в неродном краю, куда один властитель швырнул, а другой — унижал уже поверженных, плененных, не очень много сделав для того, чтобы вылечить их и накормить. И вообще, в смерти нет чистых и нечистых, в

ней не может быть ни наций, ни классов, ни захватчиков, ни врагов, ибо смерть, только смерть, — это то великое всеобщее братство, о котором мечтают, из-за которого бьются и лютуют неразумные дети земли.

Мы так много говорим сейчас о правах человека, и в мире рождаются гордые слова прекрасных деклараций. Но разве не одно из таких же прав это последнее право каждого — быть похороненным достойно человека, даже если ты крамольник, преступник, раб и изгой?

И уж конечно, солдаты всех армий, даже если они пали на чужой земле и с оружием в руках, должны пользоваться этим правом. Все они одинаково заслуживают и памяти, и уважения, и сострадания, ибо все они выполняли волю своих правительств. И если нужно кого судить, то это правительства, а не солдат. И не топтать ногами этих солдат за вину их правительств.

Преступно топтать любую могилу. Но топтать могилы солдат, людей не принадлежащих себе, преступно вдвойне.

...Я снова посетил немецкое кладбище лишь 5 лет спустя, в 1978 году. Боже правый, какое страшное зрелище открылось взору! От деревянного забора не осталось и доски. И уже не заброшенность и запустенье, не растворение в лесу — чье-то осмысленное надругательство и мародерство. Могилы совсем разрушились, уже ни на одной и номера теперь не прочесть. Со многих снят камень — та скромная обкладка, которую так аккуратно выкладывали руки соотечественников, тех, что, может, неделей позже сами легли в соседнем ряду. Этот камень выламывается теперь чьей-то воровской рукой, то там, то здесь зияют в земле черные свежие раны... Некоторые могилы, в том числе одна братская, так же по-воровски, не до конца, разрыты, какой же гробокопатель и что здесь искал?

Да уже и лес отступил под натиском городского придворья. Кладбище истоптано и загажено коровами /теперь их гонят со скотоферм на выпас прямо через него/, заросло бурьяном, тут же свалка: проржавевшие консервные банки, обломки стекла, какое-то истлевшее тряпье...

Население по-разному относится к судьбе этих несчастных, что лежат в камешковском лесу. Одни говорят: "Ну это же фашисты! Так им и надо! Они же убивали, жгли!" Но все же в большинстве своем, верю, не судит побежденных мой молчаливый народ. Пусть молчат, обходя стороной, отводят взоры, но все-таки как-то внутренне стыдятся, понимают, жалеют, хоть этим отделяя себя от жестокой и равно-

душной власти, которая не то что врагов — своих-то м и л л и о н ы свалила в сибирские безымянные ямы ГУЛАГа...

Вот, попался старик с корзинкой на подходе, у которого спросили, чуть заплутав, где тут немецкое кладбище. "А эвон!" — махнул рукой. И, пожевав, добавил: "Раскрасили всё..." Нашелся даже заезжий журналист районной газеты, некто С., который, возмущившись увиденным, долго пытался что-то сделать. Он оббил пороги райкома партии, горисполкома, местной редакции, даже куда-то "выше" писал. Увы, он не добился ничего. "Кладбище находится в ведении Ковровского УКГБ", — сказали ему. Ах вот как! Опять КГБ, даже и мертвые — во власти его!

Сделав несколько печальных снимков, медленно, с тяжелым сердцем, я обошел еще раз все эти скорбные, безымянные всхолмья. За исключением Руди Майера и доктора Шпилера, кто эти люди? Как их звали, как они выглядели, кто их любил и ждал? Ведь у всех у них остались где-то родные: матери, жены, невесты, которые и до сих пор, может быть, молятся о них безутешно, которые многое бы отдали за одно лишь слово, за одно неразгаданное "где?"

А они здесь — под пологом дальнего владимирского леса, под дрящимся 30 лет арестом, в отвержении, кощунстве и хуле.

Октябрь 1978 г.

г. Камешково, Владимирской области.